

ГЕРМАНИЯ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ**Терскова А.В.,****научный руководитель канд. пед. наук Романенко Л.А.***Хакасский технический институт – филиал Сибирского федерального университета*

Марина Цветаева – одна из неугасаемых звезд поэзии XX века. Она всегда оставалась верна себе, голосу своей совести, голосу своей музыки, которая ни разу «добру и красоте не изменила». Вся лирика М. Цветаевой – это непрерывное объяснение в любви к людям, к миру и к конкретному человеку. Живость, внимательность, способность увлекаться и увлекать, горячее сердце, жгучий темперамент – вот характерные черты лирической героини Цветаевой, а вместе с тем и её самой.

Марина Цветаева написала сотни стихов, пьес, более десяти поэм, критических статей, мемуаров. Её стихи пронзают душу, заставляют задуматься о бренности существования и о непреходящих ценностях, взглянуть на мир ее глазами и удивиться его красоте, принять окружающее таким, какое оно есть. С чего же начинается путь М. Цветаевой? Где истоки её бунтующего ума, её безудержного преизбыточного воображения?

Первое, о чём нельзя не вспомнить, говоря о несомненных и сильных «влияниях», подчинивших себе Марину Цветаеву с раннего детства, – это Германия, романтический германский мир. Любовь к Германии была привита М. Цветаевой её матерью, Марией Александровной Мейн, происходившей (по отцовской линии) из семьи остзейских немцев. «От матери я унаследовала Музыку, Романтизм и Германию», – подчеркивала М. Цветаева. С детства Марина восхищалась гениальной музыкой великих немцев, в особенности Рихарда Вагнера. В доме Цветаевых, как и во многих русских интеллигентных семьях, были гувернантки; приходили учителя и репетиторы. Марина привыкла к звучанию немецкой и французской речи. Впоследствии немецкий язык стал для неё почти родным.

Стихи М. Цветаева начала писать с шести лет, причём не только по-русски, но и по-французски и по-немецки. Рано открылся Марине Цветаевой мир романтической немецкой литературы, сначала в переводах В. А. Жуковского, а затем – в подлинниках. Мария Александровна часто читала вслух сказки братьев Гримм, произведения Гофмана («Щелкунчик»), Гауфа («Лихтенштейн»). Позднее Марина узнала и полюбила Гёте, Гейне. «Неизмеримо больше Толстого люблю – Гёте... Русского страдания мне дороже гётевская радость, а русского метания – его уединение», – писала Цветаева в своем дневнике.

В 1902 году М. А. Мейн, страдавшая чахоткой, вместе с дочерьми покидает Россию. Вскоре семья переезжает в Германию, во Фрейбург, – врачи рекомендовали Марии Александровне горный воздух Шварцвальда. Марина с сестрой Анастасией поселились во фрейбургском пансионе сестёр Бринк. Именно здесь, в Шварцвальде, юная Марина раз и навсегда безоглядно увлеклась Германией. «Как я любила, – вспоминала Цветаева много лет спустя, – с тоской любила! до безумия любила! – Шварцвальд! Золотистые долины, гулкие, грозно-уютные леса – не говорю уже о деревни, с надписями на харчевенных щитах «Zum Adler», «Zum Löwen». В Шварцвальде она с головой погружается в уже хорошо знакомую ей стихию немецкой речи, в мир германских легенд и преданий, сказок и песен. Во Фрейбурге Марина принялась за чтение немецких книг «с наслаждением жарким и поглощённым». Её

самая любимая книга тех времён – «Лихтенштейн» В. Гауфа. С этой великолепной книгой у Цветаевой ассоциируется её детство, проведённое в Германии.

Увлечённость, почти одержимость Германией бурно проявилась у Марины Цветаевой в 1914 – 1915 г.г.. В самый разгар охватившей тогда Россию антигерманской истерии М. Цветаева пишет стихотворение о Германии – открытый вызов господствующему мнению и дань восхищённой признательности любимой стране:

Германии
Ты миру отдана на травлю,
И счета нет твоим врагам,
Ну, как же я тебя оставлю?
Ну, как же я тебя предам?

И где возьму благоразумье:
«За око – око, кровь – за кровь»,
Германия – мое безумье!
Германия – моя любовь!

Ну, как же я тебя отвергну,
Мой столь гонимый Vaterland,
Где все еще по Кенигсбергу
Проходит узколиций Кант,

Где Фауста нового лелея
В другом забытом городке –
Geheimrath Goethe по аллее
Проходит с тросточкой в руке.

Ну, как же я тебя покину,
Моя германская звезда,
Когда любить наполовину
Я не научена, когда,

От песенок твоих в восторге
Не слышу лейтенантских шпор,
Когда мне свят святой Георгий
Во Фрейбурге, на Schwabenthor?.

Когда меня не душит злоба
На Кайзера взлетевший ус,
Когда в влюбленности до гроба
Тебе, Германия, клянусь.

Нет ни волшебней, ни премудрей
Тебя, благоуханный край,
Где чешет золотые кудри
Над вечным Рейном-Лорелей.

Москва, 1 декабря 1914

В этих строках не следует иного содержания, кроме поэтического. Марина Цветаева меньше всего стремилась восславить кайзеровскую Германию с её воинственным духом (ей, поэту, была вообще чужда любая политика). Предметом её

обожания всегда оставалась другая Германия – «волшебная и премудрая», край Гёте и Канта, Фауста и Лорелеи.

В стихотворении Цветаева упоминает Швабентор – ворота в Швабию. Они расположены в самом живописном районе Фрейбурга: по берегу реки, вдоль старинных домов, старых разросшихся каштанов и тополей. С обратной стороны для защиты от врагов на них изображён Святой Георгий – покровитель города.

Марина Цветаева в стихотворении упоминает и красивую легенду о златокудрой Лорелеи, которая сидит на скале, над самой водой и расчесывает свои длинные волосы. А сверху открывается захватывающий дух вид на просторы Рейна.

Марина Цветаева не раз подчёркивала, что у неё «своя» Германия. «Во мне много душ. Но главная моя душа – германская. Во мне много рек, но главная моя река – Рейн. Вид готических букв сразу ставит меня на башню: на самый высший зубец! Какое великолепие! В германском гимне я растворяюсь», – писала Цветаева.

Первую мировую войну М. Цветаева восприняла как взрыв ненависти против дорогой с детства её сердцу Германии. Надвигающаяся историческая буря породила у неуемной бунтарки Цветаевой не свойственное ей стремление к тишине и уюту.

«Frankreich ist mir zu leicht, Russland zu schwer, Deutschland angemessen – der alte Stamm, die Eiche, heilige Eiche. Deutschland ist die passende Hülle für meinen Geist, Deutschland – mein Leib: seine Ströme – meine Hände, seine Haine – mein Haar, es ist ganz mein und ich ganz – sein!».

«Франция для меня легка, Россия – тяжела, Германия – по мне. Германия – точная оболочка моего духа... Германия – моя плоть: её реки – мои руки, её роши – мои волосы, она вся – моя, и я вся – её!»

Это признание М. Цветаевой относится к 1919 г., когда в тяжких условиях революционного времени, в голодной и опустошённой Москве, она записывала в дневник свои сокровенные мысли о Германии. Именно в этих заметках впервые встречается имя Р. М. Рильке. Марина Цветаева была не только читательницей, но и горячей поклонницей Рильке. Она оценивала его как «лучшую Германию». Он существовал для нее в поднебесье – неким божеством, был наравне с Гете – Орфеем, явившемся в Германии. М. Цветаева преклонялась перед Рильке как перед человеком, наделённым незаурядным поэтическим даром, как перед выдающимся, исключительным, талантливым поэтом. Она была склонна видеть в нём «мага», «небожителя», «ангела»: «Вы – воплощенная поэзия. Вы – то, из чего рождается поэзия и что больше ее самой». Р. М. Рильке тоже был покорён «удивительной Мариной», отнёсся к ней с глубочайшим доверием и участием. Между поэтами сразу же возникает чувство полного взаимопонимания, определившего стиль и подтекст их диалога. Переписка Цветаевой и Рильке подобна разговору людей, словно посвящённых в одну и ту же тайну. Каждый из них видел в другом истинного поэта, родственного ему по духу и равного по силе. Рильке, как и Цветаева, тоже предвидел трагический финал:

Durch alle Welten, durch alle Gegenden an allen Wegenden

Das ewige Paar der sich – Nie – Begegnenden.

Через все миры, через все края – по концам дорог

Вечные двое, которые – никогда – не могут встретиться.

Почти восемь месяцев М. Цветаева жила мечтою о встрече с Рильке. Но естественное желание видеть Р. М. Рильке вступало в противоречие с её убеждением о роковой предопределённости «не-встречи» любящих. Однако подлинный драматизм их несостоявшейся встречи заключался в другом: безмерно погрузившись в сотворённую ей атмосферу духовного общения с Рильке, Цветаева не увидела главное, о чём он писал ей – его тяжкий смертный недуг. Она слышала лишь зов Орфея, но голос

страдающего больного человека не достигал её слуха. Таков, должно быть, закономерный финал безоглядного романтического «жизнетворчества».

Смерть Рильке была для Цветаевой страшным ударом, от которого она никогда уже не могла оправиться. Всё, что Марине Цветаевой было так дорого (Германия, поэзия, немецкий язык) и что, казалось ей, на какой-то миг воплотилось в Рильке, в его стихах, письмах и личности, внезапно перестало существовать. Рухнули её надежды на скорое свидание с любимым поэтом, рассыпались её планы, которым она внутренне придавала огромное значение.

Личная драма М. Цветаевой переплелась с трагедией века. XX век потряс мир ещё одной мировой войной, которая в сознании Марины Цветаевой отождествлялась с Германией. Она увидела звериный оскал фашизма – и успела проклясть его. «Фашизм страшнее любого татарского ига», – сказала однажды она. Страдая от невозможности помочь любимой стране, поэт отворачивается от людей, способных совершить такое злодеяние. Цветаева не хочет жить в мире подлости и жестокости и снова уходит в себя. Она даже готова пожертвовать самым ценным, что у нее есть – талантом поэта, чтобы только не видеть, не чувствовать эту боль. С Германией рухнуло прибежище её «немецкой души», жить было больше нечем... и кто знает, быть может, именно это явилось одной из причин её самоубийства.

Сегодня Марину Цветаеву знают и любят миллионы людей – не только в России, но и во всём мире. Поэзия Цветаевой вошла в культурный обиход, сделалась неотъемлемой частью нашей духовной жизни. Иные стихи кажутся такими давними и привычными, словно они существовали всегда – как русский пейзаж, как рябина у дороги, как полная луна, залившая весенний сад, и как извечный женский голос, перехваченный любовью и страданьем.